

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Н. М. Пашаева

Кирилло-мефодиевское наследие и проблема русского перевода богослужения¹

Опасности подстерегали кирилло-мефодиевское наследие — церковно-славянский язык, богослужение и азбуку — начиная с IX века. Все мы помним трагические страницы жития св. Мефодия. В средние века в Чехии утвердилось католическое латинское богослужение, последним оплотом славянского церковного языка был Сазавский монастырь, однако и там оно удержалось только до конца XI в. В Хорватии еще долго сохранялось кое где богослужение по глаголическим книгам, но и оно исчезло, если не ошибаюсь, к концу XVIII в.

Зато твердо держались православия и кирилло-мефодиевской традиции сербы, болгары (под турецким игом!) и, разумеется, Русь. Притом не только Северная и Южная, но и ее самые западные окраины, и среди них едва ли не самая трагическая — Галичина. Навязать подчинение всемирной власти папы в Галичине удалось только с помощью унии, т.е. с сохранением кирилло-мефодиевского языка и обряда богослужения. Недаром О.А. Мончаловский сообщал, что во всех трех галицких епархиях богослужение совершалось в значительном большинстве церквей по книгам, изданным в России, или по львовским изданиям времен православия, и Галицкий митрополит конца XIX в. Сильвестр Сембратович, ярый сторонник католицизма, при посещении церквей своей епархии собственноручно вырывал из церковных книг заглавные листы, чтобы нельзя было узнать, где они изданы².

Галицким будителям XIX в. приходилось защищать кирилло-мефодиевское наследие. В преддверии национального возрождения в Галичине в начале 30-х годов XIX в. при записи народных га-

лических песен польские ученые этнографы пользовались латиницей. Но когда ею воспользовался молодой галицкий будитель И. Лозинский, издавший в 1835 г. латиницей свою этнографическую работу «Русская свадьба», а за год до этого поместивший в львовской газете статью «О введении польского алфавита в русскую письменность», это вызвало негодование со стороны остальных галицких будителей, а лидер галицкого национального возрождения М. Шашкевич опубликовал в Перемышле брошюру «Азбука и алфавит», где указал на неосновательность, неприемлемость и прямую вредность предложения Лозинского, который в итоге вынужден был отказаться от своей идеи³.

В конце 50-х годов XIX в. австрийская администрация с подачи губернатора Галичины польского графа Агенора Голуховского попыталась почти силой ввести в Галичине латиницу, но дружный отпор тогдашних галицких ученых, прежде всего Я.Ф. Головацкого, сорвал эти планы. Заметим попутно, что в 1852 г. в Вене Драган Цанков — болгарский буржуазно-либеральный деятель, стоявший позднее во главе движения, стремившегося навязать Болгарии унию, — и его брат Антон издали на немецком языке болгарскую грамматику, где все болгарские тексты были отпечатаны латиницей. В среде болгарских будителей это вызвало отторжение и осталось лишь единичным эпизодом.

Как известно, в XIX в. в России встал вопрос о переводе на русский язык Библии, и в 1876 г. был опубликован одобренный Синодом русский перевод Священного Писания (Ветхого и Нового Завета), так называемый синодальный перевод, кото-

¹ Доклад, прочитанный на XIII Международном коллоквиуме славистов во Львове 20 мая 2004 г.

² Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX—XX вв. М., 2001. С. 97.

³ Там же. С. 18.

рый переиздавался затем множество раз и которым мы пользуемся донныне, однако Русская Православная Церковь признает его пригодность только для домашнего чтения. Языком богослужения по-прежнему осталось кирилло-мефодиевское наследие — церковно славянский перевод, как считают, гораздо более близкий к греческим подлинникам Библии.

Новая опасность подстерегала кирилло-мефодиевское наследие с начала XX в. В трудные для нашей Церкви годы на волне подготовки к церковной реформе в ожидании собора встал вопрос и о языке богослужения, причем часть высшего духовенства допускала и даже считала желательным перевод богослужения на современный русский язык. На соборе 1917—1918 гг. этот вопрос поднимался, однако никакого решения собор по нему не принял. А дальше — годы церковной смуты при советской власти, живоцерковники, его поддерживаемые, и попытка их ввести богослужение на русском языке. Однако прихожане не приняли это новшество, и оно было ликвидировано достаточно быстро. Казалось, что вопрос решился сам собой... Однако в действительности произошло не совсем так.

Наступил переломный 1988 г. — год 1000-летия крещения Руси, когда в СССР был положен конец атеистическому игу. Церкви начали возвращать верующим. В Москве первым был храм в Зеленограде, возвращенный в руинах в августе 1988 г. Особенно бурно процесс возвращения шел в первой половине 90-х годов. Мне, историку, москвоведу, пришлось быть свидетельницей этого удивительного явления в нашей жизни. И те наблюдения и соображения, о которых я скажу ниже, базируются исключительно на московском материале.

Вначале никто не мог поверить, что удастся возродить почти все сохранившиеся московские храмы — либо большей частью их развалины, либо здания, в которых храм почти невозможно было узнать. Но тогдашний патриарх Пимен решил, что Русская Православная Церковь берет все храмы в том виде, как они есть (это приблизительно половина всех существовавших до революции). И на протяжении следующих полутора десятилетий совершалось настоящее чудо. Были не только восстановлены, казалось бы, навсегда потерянные храмы, но во второй половине этого периода нача-

лось бурное строительство новых, продолжающееся по сей день. К концу 2003 г. в Москве богослужение совершалось в 480 храмах и 65 часовнях⁴. Из них я побывала, а часто и много раз, более чем в 200-х, воочию порой наблюдая процесс их «восстания из пепла». Общины во главе с настоятелем начинали свою работу с нуля. Среди этих «восставших из пепла» было и несколько храмов, настоятелями которых являлись ученики о. Александра Меня. Именно среди них и возродилась, казалось бы, загложшая идея богослужения на русском языке. Явочным порядком какие-то элементы богослужения проходили по-русски. Это была составная часть того процесса внутри нашей Церкви, который его противники называли неомодернизмом. Наиболее активным среди его деятелей был и остается донныне о. Георгий Кочетков, глава основанного им реформаторского братства «Сретение», ректор Свято-Филаретовского православно христианского института, переводчик и издатель переводов богослужебных текстов на русский язык. Деятельность о. Георгия отнюдь не вызывает сочувствия в Московской Патриархии (иногда кажется, что и он в этом не нуждается). Но он остается в рамках Церкви, «своего» храма сейчас (май 2004 г.) у него нет, в помещении братства есть часовня, где бывают богослужения на русском языке, которые возможно совершать, не имея алтаря и престола.

Литература по проблеме перевода богослужения на русский язык, вышедшая в последние полтора десятилетия, исчисляется отнюдь не единицами. Публикации Г. Кочеткова и его единомышленников, среди которых три сборника «Язык Церкви»⁵, резкая отповедь их оппонентов из числа сторонников сохранения православной традиции богослужения в сборнике, выпущенном Сретенским монастырем под редакцией архимандрита Тихона (Шевкунова) «Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации»⁶, статьи в газетах и журналах, в том числе научные (например, в журнале «Славяноведение») и т.д.

В заключение этого короткого обзора я хочу поделиться собственным видением проблемы, отнюдь не претендуя на оригинальность. Причем повторю, материалом послужило только виденное в московских церквях. Безусловно, и сторонники, и противники богослужения на русском

⁴Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II... на Епархиальном собрании 23 декабря 2003 года // Церковный вестн. 2004. № 1—2. С. 15.

⁵Язык Церкви. Вып. 1—3. М., 1997—2004.

⁶Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. М., 1999. С. 411.

языке согласны в том, что богослужение должно быть понятным молящимся. Но все же нужно помнить, что церковно-славянский язык очень близок к своему «потомку», литературному русскому языку, а к языку Пушкина он, пожалуй, еще ближе. Человек, постоянно посещающий церковные службы, при хорошей дикции и достаточной громкости голосов священника, диакона, чтеца, значительную часть богослужения понимает. В основном за перевод стоят неофиты, и знаменательно, что, кажется, ни одна из 45 «намоленных» приходских церквей, сохранившихся в пределах Москвы с атеистических времен, проблемами перевода не «болела», и в них не делается попыток нарушить традиционное богослужение. Неофиты верят, что едва богослужение будет переведено на современный, оно сразу же станет вполне понятным. Думается, это заблуждение, они и по русски поймут сразу не много. Недаром покойный акад. Дмитрий Сергеевич Лихачев писал, что «непонятность» богослужения заключается не только в языке. По-настоящему непонятно богослужение для тех, кто не знает основ православного учения. Именно с учением Церкви должен познакомиться человек, желающий посещать церковь, а «непонятность» языка — дело второстепенное⁷.

Порой защитников славянского богослужения упрекают за то, что они ратуют прежде всего за красоту. Действительно, едва ли сейчас найдутся таланты, равные солунским братьям и их продолжателям, на протяжении веков создавшим не просто перевод с греческого языка собрания молитв и обрядов, а оставившим нам и сохраненный нашей православной Церковью годовой круг славянского богослужения, уникальный памятник древней славянской культуры, литературы, языка, доступный молящимся русского православного храма. Отнять это? Прельстить якобы легкостью понимания, в сущности поверхностно, ибо в славянском варианте содержится порой глубина, непередаваемая современным русским языком. (Об этом, например, писала в своей статье А.А. Плетнева.⁸) Тем, кто не хочет прилагать каких-то усилий для понимания славянского текста, с русским будет не легче. Молиться, конеч-

но, будут, но не уйдет ли кто-то в протестантскую секту — там ведь еще проще!

В православном менталитете существует понятие «намоленный храм». Но ведь наше традиционное богослужение тоже «намоленное», причем в общем-то на протяжении более 1100 лет!⁹ Сколько не говорят о прерванной в эпоху атеизма традиции, полностью прервана она не была. Да и на протяжении последних лет она возрождается. Так переучиваться? Мирянам не узнавать того, что произносится, поется и читается, священникам опять, как новичкам, вернуться к служению «по книжке»?

У нас в разных городах России каждый год празднуются торжественно дни славянской письменности. В Москве к памятнику свв. Кириллу и Мефодию собирается много народа. И действительно, наша азбука, к счастью, еще доходит до наших сограждан. Но, к сожалению, знание церковно-славянского языка в массе утеряно, и услышать его можно только в церквах. Именно там звучит еще почти не измененное великое слово Кирилла и Мефодия и их продолжателей, сохраняется кирилло-мефодиевское наследие. Сейчас в церковь приводят много детей, слышащих этот язык с младенчества как живой. А ведь язык лучше всего запоминается с ранних лет. Отнять у них это? Но не оторванностью ли от древних истоков нашей русской культуры частично объясняется та бедность современного языка, которую мы сейчас наблюдаем у молодежи?

Думается, в попытках внедрить в богослужение современный русский или «осовремененный» церковно-славянский язык можно увидеть своеобразную попытку ликвидации кирилло-мефодиевского наследия. Горячо спорят, можно это или нельзя. А может быть, не осуждая и не поощряя, спросить — а очень ли это надо? Что делается и что нужно еще сделать, чтобы сам вопрос потерял свою актуальность?

Сейчас тексты богослужения широко издаются, их может за весьма доступную цену приобрести каждый верующий, причем, например, в некоторых изданиях текста всенощной и литургии внизу каждой страницы даются переводы непонятных слов. Неоднократно издавались текст бо-

⁷ Лихачев Д.С. Русский язык в богослужении и в богословской мысли // Богослужебный язык... С. 276.

⁸ Плетнева А.А. К проблеме перевода богослужебных текстов на русский язык // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 2; То же: Язык Церкви. Вып. 2. М., 1997. С. 98—107.

⁹ Хотя филологам известно, что «в современном богослужении осталось не так много текстов, которые восходят непосредственно к Кириллу и Мефодию» (Плетнева А.А. Указ. соч. С. 101), однако годовой круг православного богослужения на церковно-славянском языке, сохраненный нам Русской Православной Церковью, думается, составляет в целом неотъемлемую часть наследия солунских братьев.

гослужения Страстной седмицы, причем одно из последних издание вышло в виде отдельных тетрадей — каждый день Страстной недели — отдельная тетрадь. И многие на богослужения приходят с этими тетрадками. То же стало обычным и на каноне Андрея Критского в первую неделю Великого поста. До революции были издания богослужебных текстов с параллельным русским переводом, но сейчас это невозможно — горячие головы попробуют служить по этим неопробованным Церковью переводам, а то и по подстрочникам. Много говорится о непонимании Евангелия, которое читается на богослужениях. Но сейчас в любой московской церкви можно приобрести издаваемый ежегодно Патриархией Православный календарь с указаниями на каждый конкретный день, что должно читаться (Евангелие, Послания, Деяния). Боишься не услышать или недопонять — прочитай заранее — Новый Завет в русском переводе есть едва ли не в каждом доме. К тому же на воскресной проповеди священник почти всегда напоминает прочитанное Евангелие и на его основании строит проповедь. В воскресных школах, на лекциях есть

возможность (и она используется во многих храмах) разъяснять богослужение. Порой чтецы читают очень быстро, и понятность церковно-славянских текстов во многом зависит от того, как их читают. И надо ли чтецам торопиться при их чтении? Конечно, истовое, а не «как пономарь» чтение ненамного удлинит службу. Но, может быть, батюшкам лучше не требовать от прихожан «отстоять» всю службу — пусть кто не может, придет с опозданием, зато услышит, как удивительно звучит спокойно прочитанное кирилло-мефодиевское наследие.

Нам сейчас, как мне думается, предстоит спасать кирилло-мефодиевскую традицию в том виде, как она досталась нам от 70 лет, скажем прямо, непрерывного подвига и духовенства, и мирян — участников богослужения в переполненных храмах (которых было так мало даже в Москве). Не растерять то, что было накоплено в этом духовном подвиге, когда честные граждане открыто шли наперекор неправой идеологии агрессивно-атеистического государства, его насилию над душами.